

Анна Мирошниченко

ГРАНЬ

Анна Мирошниченко

Грань

«Автор»

2026

Мирошниченко А.

Грань / А. Мирошниченко — «Автор», 2026

Что ты сделаешь, если завтра проснёшься совершенно чуждым этому миру? Хелиан жил по правилам серой реальности, пока однажды не проснулся монстром, от которого в ужасе отворачиваются даже друзья. Изгнанник отправляется в путь, который выведет его из душных городских переулков к загадочному маяку на краю земли и безумному слепцу. Что остается от личности, когда общество видит в ней чудовище? Почему иногда, чтобы обрести себя, нужно сначала потерять всё? Важное примечание для читателя: Здесь нет эпичных битв, запутанных интриг и детального лора. Сюжет намеренно однолинеен, ведь внешние события — лишь декорация для глубокой внутренней алхимии. Если вы готовы посмотреть на историю через метафорическую призму и увидеть в ней собственное отражение — добро пожаловать на Грань.

© Мирошниченко А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I	5
II	7
III	10
IV	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Грань

I

Будильник орал уже двадцать минут. Голова гудела, глаза не открывались, в квартире стояла холодная сырость. Я ткнул в эту дрянь и нырнул под одеяло, спасаясь от суровой реальности. Я уже ненавидел это утро. Впрочем, как и любое другое. «Пошло оно всё к чёрту», — мелькнуло в голове, и я провалился обратно в сон.

Каждого из нас обманывают, что последние мгновения перед поворотом должны быть какими-то знаменательными. В фильмах это всегда красивое слоу-мо или трагичные воспоминания героя. В школе подводят итоги четверти и устраивают выпускной, словно прощание обязано быть особенным. В будущей же своей жизни никто не обрамит этот момент: ни последнего отчёта на старой работе, ни последней коробки перед переездом, ни последней встречи с любимым человеком. Всё сливается в единую кашу без громких фанфар, трогательных прощаний и пафосных титров. И никаких глупых предчувствий.

Меня резко выдернуло из сна, и сердце бешено заметалось. Я принялся лихорадочно моргать, пытаюсь сфокусироваться, и хлопать по тумбочке в поисках телефона. Снова проспал.

Я быстро нашёл брюки и натянул их на бегу. Рубашка помялась — да и хрен с ней! Проклятые пуговицы отняли целую минуту. С галстуком промучился и того дольше — кто вообще придумал вязать на себе эти удавки? И где этот чёртов бейджик?!

Забег по квартире закончился, и я вылетел на улицу, чуть не уронив портфель. Нужно нагнать время и успеть заскочить в кофейню — а то ещё и Лида обидится, если я приду без её «отпадного» латте на миндальном молоке с корицей.

С кофе в руке я пронёсся через турникет на охранном посту. 8:59 — отлично, сегодня без выговора. Да я везунчик! Если по пути к столу не встречу начальство — сегодняшний день можно обводить красной ручкой в календаре. Я уже стоял в ожидании лифта, отбивая ногой какой-то безумный ритм — тело всё ещё не могло остановиться после встряски. Числа над лифтом медленно снижались. Девятый этаж... восьмой... седьмой...

— Эй, Хель! — не было печали. Уж лучше бы директор.

Звук моего обкромсанного имени прорезал ухо. Я не Хель. Но спорить — значит, ввязаться в разговор. А разговор с Петром длится как минимум до конца недели.

— Хель, дружище, ты опять опоздал! Как ты ещё не вылетел за такое? И кофе купить успел, да? А мне почему не взял? — я сразу же отключился от этого бесконечного потока вопросов и восклицаний. Опытным путём доказано — отвечать не обязательно. Пётр справится за двоих.

Благо, работаем мы в разных отделах, поэтому он вышел из лифта на этаж раньше. В своём офисе я быстро нырнул за стол. Поставил латте на соседний — Лиды на месте не было. Наверняка она вышла обсудить последние сплетни с девчонками из маркетинга.

Я бросил взгляд на часы и на кабинет менеджера. Нужно срочно сделать видимость серьёзной работы, пока он ничего не заметил. Просмотрел почту. Половину писем сразу отправил в спам, на парочку кликнул — чтобы отобразились в общей активности. Остальные отправились в «прочитать позже». На сегодня работы хватит.

Лида вернулась, когда я уже раскладывал второй пасьянс. С ходу начала трепаться про то, что услышала от подружек — я особо не вникал, она всё равно это повторит ещё два раза как минимум. Дурацкий принтер тем временем уже задолбал пикивать. Так сложно вставить бумагу? От чавканья коллеги за спиной начало воротить. Я повернулся к часам — до обеда оставалась ещё целая вечность.

Тут Лида уставилась на меня. Брови сдвинуты, губы сжаты — кажется, я пропустил что-то важное.

— Ой, ну чё ты опять, как только с кровати? Сделай уже что-то со своими волосами.

Чёрт, точно. Я ведь даже в зеркало не глянул.

Она потянулась ко мне руками, чтобы попытаться исправить этот кошмар стилиста, но я быстро ретировался в туалет. Оказавшись внутри, встал у зеркала — оттуда на меня глядел долговязый тип с мятой физиономией. По тёмному гнезду на голове устало скользнули карие глаза. Мне кажется, или синяки под ними стали больше? Они, конечно, здорово оттеняют мой вид офисного самца — но надо всё-таки меньше засиживаться допоздна. Намочив руки, я постарался максимально пригладить чёртовы пряди.

По дороге обратно к столу постоял у кофейного автомата — немного разбавить своё увлекательное времяпровождение. Каждая минута хоть и была почти бесконечной, но верно приближала меня к спасению.

Стрелки наконец добрались до двенадцати тридцати — и мой живот гулко возликовал. Мы с Лидой отправились в кафе на первом этаже. И конечно, она по второму кругу трещала про то, как Марина из отдела кадров целовалась с курьером.

Впихивая в себя котлету, я думал, какую игру поставить вечером на закачку.

— О, Хель, какие люди! — я подавился. — У финансового отдела хватает времени на обед?

Пётр стремительно приближался к нашему столу. Откашливаясь, я уткнулся в тарелку и оставил Лиду держать фронт.

— Ой, да еле вырвались, не представляешь! — отлично, эти двое могут продолжить говорить со мной без меня.

Через десять минут удача снова расщедрилась — у меня зазвонил телефон. Это Лёха — мой спаситель. Я мигом отнёс посуду, отошёл подальше от столов и ответил. Мы перекинулись парой слов и договорились встретиться с пацанами в пятницу в баре — Лёха забронировал зал с приставкой. Звучит как то, ради чего стоит пережить эту неделю.

Мы обо всём договорились как раз в тот момент, когда Лида схватила меня за локоть и потащила к лифтам — время перерыва уже заканчивалось. Быстро попрощавшись, я бросил трубку.

Следующие часы утекли в кофе, пасьянсы и пустые таблицы. Когда я снова глянул на время, было уже шесть вечера. Спина одеревенела, голова гудела, но пора было сваливать. Я сгрёб вещи и направился к выходу.

Я проводил Лиду и поплёлся домой. В прихожей скинул туфли, заварил суп из пачки и, бросив на край кровати пиджак, уткнулся в монитор. Не знаю, сколько времени прошло — на улице уже стемнело, но пальцы сами продолжали долбить клавиши. Глаза слипались, но я не выходил из игры, заставляя персонажа бегать по кругу. Может, хотя бы он к чему-то придёт таким образом.

В какой-то момент я опомнился — на будильнике уже горело три часа ночи. Ну конечно. Ладно, завтра буду внимательнее. Я скинул на стул остатки офисного прикида и завалился в холодную кровать.

Всё-таки последний день никогда не бывает особенным.

II

Я безрезультатно вглядывался в кромешную тьму, пронизанную сыростью и холодом. Я потрусил в сторону далёкого шума моря. В нос ударил резкий запах соли и железа. Слишком сильный, чтобы его терпеть. Я закрыл нос рукой и заметался в попытках понять, откуда этот смрад. Шум волн нарастал, но я не мог найти источник. Будто куда бы я ни пошёл, он становился всё громче, перерастал из шелеста в болезненный бой по перепонкам. Я зажал ладонями уши — но давление не уменьшалось. И тут одна вспышка, другая — настолько яркие, что выжигали глаза. Я рухнул, вжался в комок, отчаянно прячась от пыток, но становилось только хуже: сильнее, ослепительнее, безумнее. Меня накрыло новой волной боли — будто каждая кость в моём теле трескалась, суставы выкручивало. Пытался закричать — то ли чтобы позвать на помощь, то ли от невыносимой муки. Бесполезно. Вместо крика из моего рта вырывалось болезненное рычание, а мрак сжимал со всех сторон.

Очнулся я утром в холодном поту. Тело била мелкая дрожь, в голове ещё мелькали отголоски пульсирующего света, грома, дикой боли и страха. Звон будильника после этого казался таким тихим и незначительным, что я даже не сразу его заметил.

Посмотрел на время — снова проспал. Я сел на кровать и постарался выдохнуть все мысли. Ладно, сегодня вечером никаких хорроров. И ближайшую неделю.

Я выхватил со стула брюки и рубашку. Ремень пришлось затянуть на дырку туже — я что, таю? Этот хренов галстук вообще никак не поддавался — пальцы не слушались, как чужие. После ночных кошмаров вообще противозаконно вылезать из кровати. А я ещё и тащу себя на работу.

Выбежал на улицу — почти успеваю. А если прохожие и дальше будут так удачно пугаться в разные стороны, то приду даже раньше.

Заскочил в кофейню. Дверь закрылась за мной с тихим звоном. Впопыхах я случайно задел сумку парня у стойки — он отступил на полшага назад и испуганно замер. Не обращая на него внимания, я быстро озвучил заказ:

— Средний латте на миндальном с корицей и обычный капучино.

Голос вышел низким, хриплым — будто горло ободрало изнутри. Откашлялся. Бариста вздрогнула. Подняла взгляд — и тут же отвела глаза, уставившись в кассу. Приняла оплату кончиками пальцев, опасаясь случайно задеть мою руку. Я задумался о своём болезненном виде — они все настолько боятся заразиться?

В кофейне повисла странная тишина. Казалось, я слышу напряжённое дыхание каждого в помещении, а тиканье часов било по голове. Парень с подозрением косился на меня, а сам сипел так громко, что даже удивительно, как можно дышать через настолько забитый нос.

Когда кофе был готов, бариста поставила стаканчики на край стойки и отошла — будто боясь, что я потянусь слишком далеко.

Мысленно махнув рукой на этих параноиков, я устремился дальше к офису. Или сегодня ещё один удачный день, или я научился бегать быстрее — я пришёл вовремя.

Не глядя, я кивнул в сторону охраны и побежал к пропускнику. И упёрся в неподвижную железяку. Турникет стоял, как вкопанный. Какого чёрта? Сторожа там заснули, что ли?

Я обернулся.

И увидел дуло пистолета.

Этот чёртов придурок из охраны направил на меня оружие. Не знаю, должен ли был я испугаться. Я чувствовал только вздымающуюся в груди неестественную ярость.

— Какого чёрта вы творите? Вот мой бейдж! Я здесь уже пять лет работаю! — мой голос настолько охрип, что даже я его почти не узнавал.

— Сейчас же покиньте помещение. Иначе я задержу вас до прибытия полиции. Лучше валите подобру-поздорову, — грубо цедил тот охранник, который на прошлой неделе травил мне анекдоты про верблюда, пока я писал объяснительную за опоздание.

— Что тебе в голову сегодня ударило?! — я со злостью поставил кофе на стойку, горячий напиток плеснул через край. — Ладно. Я сейчас выйду и позвоню, кому нужно. Они тебе расскажут, раз ты забыл, как впускать честных сотрудников.

Я устремился к дверям, а охранник не сводил с меня прицела — будто я мог в любой момент броситься на него, как дикий зверь. Он что, перегрелся?

Топая так, что каблуки гремели по плитке, я вышел из здания. Пять шагов по тротуару — и мои ноги вросли в землю. Испуг пришёл запоздало, и сердце заколотилось, будто я пробежал кросс. Пока пытался отдышаться, в мою сторону бежал мелкий пацан лет десяти. Когда его взгляд упал на меня, он замер и выпучил зенки. Несколько секунд мы просто играли в тупые гляделки. В его глазах постепенно набирались слёзы.

— Чё устался? — рыкнул я на него.

Спотыкаясь и визжа, мелкий унёсся прочь.

— Да какого чёрта сегодня происходит?! — я обернулся и крикнул ему вслед.

Боковым зрением я уловил странное движение рядом. Это было моё отражение в зеркальном стекле. Инстинктивно перевёл взгляд, чтобы разглядеть его повнимательнее. И в ужасе замер.

На меня смотрел монстр. Высокий, худой до кости. Кожа была бледной, почти прозрачной — и на её фоне алые глаза хищника будто выжигали дыру, искрясь жадой убийства. Нос был звериным, готовым вынюхать кровь, а длинные, покрытые шерстью уши — услышать крик жертвы. Волосы на моём затылке встали дыбом — чёрные пряди монстра взметнулись в ответ, будто он готовился к выпадку. От шока у меня отвисла челюсть — чудовище открыло пасть, обнажив свои клыки.

Что за?..

В висках больно отбивались удары сердца. Я подбежал ближе к зеркалу, хватая тощими пальцами своё лицо, дёргая за волосы, вцепляясь в горло. Нет, нет, нет. Это не я. Это не может быть мной. Внутри сорвалась пружина, и я побежал — словно так правда мог исчезнуть.

Ноги несли меня настолько быстро, что глаза еле успевали различать проносящиеся столбы и стены. Наткнувшись на подворотню, я забился в тёмный угол за мусорными баками.

Горло сдавило, каждый вдох отдавался тошнотой. Страх стискивал грудь и давил на глаза. Я остановился, прижался спиной к стене, сжавшись в комок. Это не может быть правдой. Это галлюцинация. Стресс. Усталость. Что угодно. Спрятаться дома? Нет, там меня будут искать. А когда увидят — что я скажу арендодателю, начальнику, полиции? Меня упекут либо в клетку зоопарка, либо в лабораторию. Лучше умереть. Нет, нельзя. Надо позвонить близким. Может, они помогут. Может, это исправимо.

Дрожащими, костлявыми пальцами я набрал Лиду — она всегда быстро отвечает.

— Лида, я... — собственный голос мне казался до ужаса хриплым.

— Кто это?! — в ушах всё ещё звенело её отвращение, когда раздались гудки. Будто ей позвонил какой-то извращенец.

Я шумно выдохнул и постарался стряхнуть с себя потрясение. На Лиду я никогда сильно не надеялся. Как только выберусь, попрощаюсь с ней ко всем чертям. А пока позвоню Лёхе — он голова.

— Лёх, умоляю, послушай...

— Не звоните сюда больше.

Меня заколотило, как в лихорадке. Да мы же, чёрт возьми, с первого класса дружим! Из каких передрыг его вытягивал — а он меня так опрокинул? Тоже мне, друг, сука!

Экран телефона трясся перед глазами, когда я нашёл номер Петра. Ком в горле мешал дышать, пока я слушал длинные гудки. И короткие. Вот скотина, а. Почему ещё вчера вы все сотрясали воздух вокруг меня, а сегодня не можете даже руку протянуть?! Сволочи... Злобный рык заклокотал в груди, обжигая слезами. Я уже вскинул руку с телефоном, чтобы разбить эту сраную коробку. Но подумал... о маме. Мама же обязательно поможет, верно? Мама всё знает и всё объяснит. И никогда не бросит.

С чувством утопающего, схватившего последнюю соломинку, я нажал вызов.

— Аллю, мам! Ты не поверишь, я...

— Господи!.. — с визгом она бросила трубку.

Я уронил телефон.

Опустил голову в колени и судорожно обхватил их руками, стараясь осознать хотя бы что-то из произошедшего. За что мне всё это? Чья-то злая шутка? Эксперименты? Мутация? Магия? Сон?

Что происходит?..

Я сидел в грязи между мусорных баков, не зная, кто я, что я, и где моё место.

III

Я сидел, будто невинно осуждённый на пожизненное в камере-одиночке. Я оплакивал будущее, которое могло быть светлым, если бы я сумел за него зацепиться.

Солнце скользило по стенам — я не следил за ним, уткнув своё уродство в трясущиеся руки. Слёзы уже давно высохли, но грудь всё ещё горько дёргалась, пытаясь ухватить немного воздуха. Что мне делать? Кто я теперь? Может, это продолжение ночного кошмара? Больно провёл дрожащими руками по лицу, пытаясь стереть это видение. Да, я сейчас проснусь — и снова на работу. Не могло же всё так резко повернуться. Я всегда жил так же, как все. Я ведь такой же, как все.

А если... нет? Эта мысль не укладывалась в голове, наводя ворох сомнений и животного ужаса. А что, если я всегда был другим — просто хорошо притворялся, пуская пыль в глаза и другим, и самому себе? Что, если я никогда не мог быть "как все"? Да к чёрту все догадки. Главное, чего просило тело — выжить. Найти укрытие. Место, где меня не увидят. Где можно быть... собой.

Я закрыл глаза и попытался успокоиться. Паника не поможет. Нужно думать. Мои документы не действительны. Меня не существует. Я никто... Я изгнан, брошен и забыт.

Стало темно — в самый раз для такой твари. С трудом поднялся на онемевшие ноги. Домой? Нет. Дома у меня больше нет. Сорвал бейдж с шеи — человека на фотографии тоже нет. Он полетел в мусор вместе с портфелем, полным бессмысленного прошлого. На баке висел грязный кусок чёрного брезента. Он был влажным и вонял плесенью. Зато был достаточно большим, чтобы закрыть лицо и тело. Мне подойдёт. Я накрылся им с головой, чтобы даже в темноте никто не смог рассмотреть мои черты.

И зашагал прочь от центра. Нужно было уйти подальше от этого чёртова города. Подальше от прожитых лет, принятых решений и воспоминаний. Подальше от людей — с ними мне делать нечего. Сейчас я хотел отбросить всё это и никогда не возвращаться.

Всю ночь я бесцельно шаркал по улицам. Я видел здания, горделиво уходящие в небо. Чувствовал камни, случайно попавшие под ноги. Слышал мужиков, что-то обсуждавших за углом — и сразу перешёл через дорогу, чтобы не пересечься. Но всё это точно сквозь туман нежелания различать оттенки. Всё стало чужим, лишённым смысла.

Я не выходил на главные дороги, шёл в обход, по тёмным углам, между домами. В одной из подворотен на свалке рылась свора собак — только завидев меня, псины с визгом разбежались. Да ладно, я и не собирался подходить.

Усталость навалилась тяжёлым одеялом. Ноги гудели, в висках пульсировало. Я шёл на автомате, не замечая ничего вокруг — ни смрадных луж, ни разбитых бутылок под ногами. В одну из таких я и угодил по самую щиколотку. Холодная жижа хлюпнула в ботинке. Хоть ночи уже тёплые — не замёрзну. Но противно.

Когда я набрёл на сквер, мокрые ноги уже гудели. Я присел на первую попавшуюся лавочку, чтобы перевести дух. Дал тряпке немного сползти с лица, чтоб отдышаться. Шум листвы на ветру убаюкивал, и где-то кошка выслеживала добычу. Закрыл глаза на минуту. Но тело отключилось раньше, чем я успел подумать. Голова склонилась на грудь, а сознание упало в чёрную вату.

Меня разбудил новый, едкий запах. Кислый дух дешёвого алкоголя ударил в нос, заставив поморщиться. Я приоткрыл заспанные глаза в сторону смрада — в мою сторону стремительно надвигались три рослые фигуры. Я быстро закрылся брезентом и продолжил тихо сидеть, надеясь, что они прошатаются мимо. Мерзкий запах перегара, смешанного с потом и табаком, становился всё ближе, наконец заполнив всё пространство.

— Эй, бродяга, — зычный голос лишил меня этой надежды. — Сигареткой не угостишь?

Я молчал. Рывком встал и попытался обойти — но они уже стояли стеной. Чья-то осмелевшая рука швырнула моё безвольное тело на землю. Телефон вылетел из кармана, звонко ударился о бетон — и хрустнул под чьим-то каблуком. Я даже не успел возмутиться.

— Я тебе задаю вопрос, урод.

Пинок под дых разлился острой, горячей болью. Я согнулся пополам, хватая ртом воздух.

— Да ты чё. Нафиг трогать этого горемыку. Ещё испачкаешься, — сиплый задиристый смех дрожал между деревьями.

Кто-то опять замахнулся. Я не успел подумать. Боль в груди сжалась в комок и вырвалась наружу вместе с выдохом.

Это был не стон. Низкое, вибрирующее рычание, от которого задрожал воздух, распространяя волну смертельной опасности.

Грязный смех затих. Пьяные замерли и переглянулись.

— Парень, ты чё, собаку проглотил? — один из них нервно хохотнул, пытаясь скрыть дрожь в голосе. — Ладно, мужики, пошли отсюда.

И они ушли.

Какое-то время я ещё лежал на земле. С болью в боку и страхом в груди.

Я не спасся. Я показал самому себе, что зверь не сможет выжить, не показав клыки.

Я с трудом поднялся, держась за бок. Оставаться здесь было опасно.

С каждым шагом боль разгоралась сильнее. Тело налилось свинцом, туман в голове густел. Панический страх уступил место глухой усталости. Я не спал почти сутки, не ел ещё дольше.

Под ложечкой засосало от мысли о куске мяса. Но теперь мне его не видать. Чтобы не думать о голоде, лучше поспать. Нужно найти логово.

Я поплёлся вдоль кирпичных зданий, надеясь наткнуться на заброшку. Ещё до полноценного рассвета смог найти полуразрушенное здание. Минувя пустые окна и обвалившиеся стены, я проник внутрь. Здесь была лестница вниз — в тёмный подвал, в углу которого не было видно ни зги. На одну ночь сойдёт.

Расстелил брезент и накрылся им, улёгшись подальше от света. Вонь плесени проникала в мозг, каждый вдох казался глотком грязи. В соседней комнате шуршала крыса. Мне было плевать, и я провалился в забытие без сновидений.

IV

Желудок неистово загудел, выворачиваясь наизнанку и возвращая меня в сознание. Виски продирало так, будто по голове прошлись напильником, а всё тело пропиталось сыростью и холодом.

Недогрузивший мозг пытался вспомнить день недели и почему ещё не прозвонил будильник. Мне снился такой длинный и дурацкий сон... я снова проспал? Я не хотел открывать глаза. И не хотел верить в затхлый запах, проникающий в ноздри.

Но голод оказался сильнее — пришлось подняться. Я огляделся: вокруг были всё те же разбитые кирпичи, и где-то в пыли снова возилось что-то живое и мелкое — чёрт, даже думать не хочется, что это.

Я достал телефон. После ночной стычки на экране зияла паутина трещин, он не подавал признаков жизни. Замечательно. Не разглядев отражения, я пальцами провёл по ушам — длинные и покрытые шерстью, а языком нащупал пару острых клыков. Да, я всё ещё чёртов урод.

Хотелось зарыться под землю, раствориться в воздухе, просто исчезнуть. Но голод — настоящий, животный — апеллировал ко всем инстинктам, не давая ни думать, ни лежать. Так помирать я точно не собирался.

Все деньги остались в разряженном телефоне. Прошерстил карманы — нашёл мелочь, которую откладывал на автоматный кофе. Живот одобрительно урчал — для него это была победа.

Закутанный в брезент, я выполз на улицу в надежде на темноту — и обнаружил, что проспал весь день. В подвале я даже не заметил нехватки освещения. Судя по всему, эти глаза не только страшные, но ещё и неплохо видят в темноте.

Надеясь найти хоть что-то, я брёл вперёд. Все улицы были совершенно одинаковые и не напоминали ничего из прошлой жизни — наверное, я здесь никогда раньше и не был. Я шмыгал по стенам, стараясь не шуметь, смотрел под ноги, прятался в тених — лишь бы не наткнуться на человека. Каждый шорох за спиной заставлял сжиматься, будто за мной кто-то охотился.

Так я прошёл уже несколько кварталов — и каждый следующий шаг всё больше вгонял в безысходность. На что я, собственно, надеялся? Что за горстку мелочи на меня с неба упадёт изысканный ужин?

Но вдруг в конце одного из переулков я увидел неяркий свет торгового автомата — и сердце пропустило удар.

Почуввав удачу, я подбежал ближе. Работает. И мелочи хватит на батончик и бутылку воды. А главное — ни души вокруг. Ни кассира, ни любопытного взгляда. Только я и эта железяка. Да это, мать его, джекпот!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.